

Максимилиан Александрович Волошин

Анри де Ренье

Максимилиан Волошин

Анри де Ренье

«Public Domain»

1910

Волошин М. А.

Анри де Ренье / М. А. Волошин — «Public Domain», 1910

«Анри-Франсуа-Жозеф де Ренье родился 28 декабря 1864 года в Гонфлере, старинном и живописном городке, расположенном амфитеатром на холмах около устьев Сены. В настоящее время ему сорок пять лет. Он в полном расцвете своего творчества. На вид он моложе своих лет. Есть что-то усталое и юношеское в его высокой и худощавой фигуре. Его матово-бледное лицо, продолговато-овальное, с высоким, рано обнажившимся лбом, висячим тонким усом и сильным подбородком, по-девически краснеет при сильном впечатлении. У него бледные голубовато-серые глаза. Монокль придает его лицу строгость и некоторую торжественность...»

© Волошин М. А., 1910

© Public Domain, 1910

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Максимилиан Волошин

Анри де Ренье

I

Анри-Франсуа-Жозеф де Ренье родился 28 декабря 1864 года в Гонфлере, старинном и живописном городке, расположенном амфитеатром на холмах около устьев Сены.

В настоящее время ему сорок пять лет. Он в полном расцвете своего творчества. На вид он моложе своих лет. Есть что-то усталое и юношеское в его высокой и худощавой фигуре. Его матово-бледное лицо, продолговато-овальное, с высоким, рано обнажившимся лбом, висячим тонким усом и сильным подбородком, по-девически краснеет при сильном впечатлении. У него бледные голубовато-серые глаза. Монокль придает его лицу строгость и некоторую торжественность.¹

Во всех его движениях, в костюме, в фигуре есть грустная эlegantность цветка, отяжелевшего в расцвете и склонившегося на вялом стебле. Задумчивая гармония, молчаливость и безукоризненная светскость отличают его среди говорливой толпы парижских вернисажей и первых представлений.

Его негромкий, слегка певучий, но гибкий и богатый оттенками голос говорит о замкнутых на дне души залах, о стыдливости духа и о многих произнесенных, затаенных навеки словах.

Такие слова придают поэзии сдержанную силу и гармонию.

Самый совершенный и пластический из поэтов Парнаса – Хозе-Мария Эредиа – выдал своих дочерей за двух поэтов: старшую за Пьера Луиса, младшую – за Анри де Ренье.²

Как стареющий Лир, он разделил свое царство в области поэзии между своими зятьями.

Если бы средневековый хронограф рассказывал об этом событии, то он прибавил бы, конечно, что одну из них звали «La Grece antique» [«Античная Греция» – Здесь и далее, кроме особо оговоренных перевод с французского], а другую – «La belle France».[«Прекрасная Франция»]³ Впрочем, быть может, он дал бы им иное символическое имя и одну назвал бы «Стилем», а другую «Поэзией».

В этом бы он совпал с Морисом Баррэсом, который при вступлении своем в академию, заканчивая похвальное слово в честь Эредиа, сказал, намекая на младшую дочь Эредиа, ставшую женою Анри де Ренье:

«Хозе-Мария Эредиа оставил нам бессмертные произведения и целую семью поэтов, среди которой в чертах некоей юной смертной каждый мыслит видеть лик самой Поэзии».⁴

Нет сомнения, что если из поэтического наследия Эредиа проникновение в стиль и дух античного мира досталось создателю «Песен Билитис», то сама крылатая победа поэзии,

¹ На вид он моложе своих лет – строгость и некоторую торжественность. – Описание внешности писателя дается на основе портретных характеристик в книгах Ж. де Гурмона и П. Леото (ср.: Gourmont J. de. Henri de Regnier et son oeuvre. Paris, 1908, p. 10; Leautaud P. Henri de Regnier. Paris, 1904, p. 1–2; а также: Berton H. Henri de Regnier: Le poete et le romancier. Paris, 1910, p. 26).

² Хозе-Мария Эредиа – выдал со старшую за Пьера Луиса, младшую – за Анри де Ренье. – Женой Анри де Ренье стала в 1896 г. средняя дочь Эредиа Мария – известная поэтесса и писательница, печатавшаяся под псевдонимом Жерар д'Увиль (Gerard d'Houville), Пьер Луис женился на младшей дочери.

³ ...одну из них звали «La Grece antique», а другую – «La belle France». – Имеются в виду стилизации под античную лирику Пьера Луиса («Книга Билитис») и изображение Франции в творчестве А. де Ренье.

⁴ «Хозе-Мария Эредиа оставил нам со самой Поэзии». – Речь Барреса издана отдельной брошюрой: Barres M. Discours prononce dans la seance tenue par l'Academie Franchise pour la reception de Maurice Barres, le 17 janvier 1907. Paris, 1907.

осенившая такую аполлоническую четкостью сонеты Эредиа, посетила дом Анри де Ренье и избрала именно его среди современных поэтов Франции.

На долю Анри де Ренье выпала счастливая и завидная доля в искусстве: быть собирателем плодов, быть осуществителем упорных исканий, которым были отданы силы нескольких поколений французских поэтов. В нем рафаэлевская, в нем пушкинская прозрачность и легкость.

С законным правом он мог бы применить к себе стих Бальмонта: «Предо мною другие поэты – предтечи».⁵

Как отражение в выгнутом зеркале, в стихе его соединились все завоевания, которые французская поэзия сделала за вторую половину XIX века. Парнасцы, Маллармэ, символисты приготовили ему путь. Сам он не искал новых путей. Он стал поэтом-завершителем.

Среди символистов он кажется парнасцем. Но строгий его стих пронизан всеми отливками чувств и утончениями мысли, доступными символистам.

Мраморная статуя парнасского стиха ожила в его руках. Мрамор стал трепетной теплой плотью.

Маллармэ замыкал свои идеи в алхимические реторты, магические кристаллы и алгебраические формулы. Ренье разбил их и сделал из рассыпавшихся драгоценных камней чувственные и сказочные украшения, подобные тем, которыми украшал наготу своей Саломеи Гюстав Моро.

Свободному стиху символистов он придал неторопливую прозрачность, а новым символам – четкость и осязаемость.

С Маллармэ Анри де Ренье связан тесными узами дружбы и преемственности. Он был постоянным посетителем вторников маленькой гостиной на Rue de Rome, где создавалась и воспиталась школа поэтов девяностых годов. Там не бывало бесед – туда приходили слушать учителя. Лишь изредка, во время нечастых посещений Вилье де Лиль-Адана или Уистлера, слово переходило к ним. Обычно говорил один Маллармэ, стоя у камина с неизменной маленькой глиняной трубкой в руке. Ренье в этих случаях играл роль предводителя хора. Он сидел всегда на одном и том же месте – на диване по правую руку учителя, и когда речь Маллармэ иссякала, он подавал ему реплику: на угасающий жертвенник бросал несколько кусков сандалового дерева, и огонь пылал снова. Первое десятилетие его поэтического творчества прошло так у тайного родника поэтической мудрости, напоившего столько поэтов. Это были отношения истинного ученичества. Ренье, уже слагавший «*Poemes anciens et romanesques*» [Стихотворения в античном и рыцарском духе], краснел от волнения, как мальчик, после похвалы учителя.

⁵ «Предо мною другие поэты – предтечи». – Строка из стихотворения К. Д. Бальмонта «Я – изысканность русской медлительной речи...» (см.: Бальмонт К. Собр. стихотворений. М., 1904, т. 2, с. 224).

II

В первом сборнике своих стихов «Les Lendemain» [Грядущие дни] (1885) Анри де-Ренье определяет цель своей поэзии как желание воссоздать, обессмертить в себе самом и вне себя убегаящие мгновения. Воспоминания! но они не воскреснут под его руками такими, как были. Воспоминание украшает, очищает, преувеличивает, обобщает прошлое⁶

Я мечтал, что эти стихи будут подобны тем цветам,
Которые рука искусного мастера обвивает
Вокруг золотых ваз, идеально выгнутых.⁷

В этот период влияние Маллармэ чувствуется особенно в выборе символов и форм. Все любимые образы юношеской поэзии Ренье можно вывести из этих слов Иродиады Маллармэ:

... О зеркало, холодная вода!
Кристалл уныния, застывший в льдистой раме.
О, сколько раз в отчаянии, часами,
Усталая от снов и чая грез былых,
Опавших, как листья, в провалы вод твоих,
Сквозила из тебя я тенью одинокой.
Но горе! В сумерки, в воде твоей глубокой
Постигла я тщету своей нагой мечты.⁸

Двойственность зеркал, темные воды бассейнов, листья, опадающие на поверхность вод, усталость от снов, сумерки над лесными водоемами, «тщета нагой мечты» – эти образы повторяются и текут в юношеской поэзии Ренье.

«Я смотрел, как в воду бассейна падали листья один за другим. Не было ли ошибкой, что в моей жизни я имел занятие иное, чем этот грустный счет часов, лист за листом, над грустными и чуткими водами. Все чаще падают листья. По два сразу. Слабый ветер, поднявшись, осторожно качает – прежде чем уронить – их, усталые, напрасные. Те, что падают в бассейн, сперва плавают по поверхности, потом набухают, тяжелеют и тонут наполовину. Вчерашние погрузились уже, другие еще бродят по поверхности. Сквозь прозрачность холодной воды, ясной до самого дна, исчервленного бронзой, видны целые кучи их – потонувших... Лампа горит в углу большой залы, и я стою, лицом прижавшись к окну. Я уже не вижу, как падают листья, но чувствую, как внутри меня самого что-то обрывается и медленно падает. Мне кажется, что в молчании я слышу падение моих мыслей. Они падают с

⁶ Он был постоянным посетителем вторников и обобщает прошлое... Пересказ отрывков из книги Ж. де Гурмона (см.: Gourmont J. de. Henri de Regnier et son oeuvre, p. 15–16).

⁷ Я мечтал – идеально выгнутых. – Строка из «Посвящения» («Dedicace»), открывающего сборник «Les Lendemain» («Грядущие дни») (см.: Regnier H. de. Premiers poemes. 6e ed. Paris, 1907, p. 11).

⁸ О, зеркало – своей нагой мечты... – Отрывок из драматической поэмы «Иродиада» («Herodiade», 1869). Перевод этого фрагмента (вместе со стихотворением Маллармэ «Лебедь») был впервые напечатан в статье А. Баулер (А. В. Гольштейн) «Стефан Маллармэ» (Вопросы жизни, 1905, Э 2, с. 9), где отмечалось: «По нашей просьбе г-н Макс Волошин сделал для этого очерка прекрасный перевод этого стихотворения». Затем отрывок из «Иродиады» вошел в сборник 1910 г. (Волошин Максимилиан. Стихотворения 1900–1910. М., 1910, с. 59), в котором переводы из французских поэтов соседствовали с близкими им по настроению оригинальными стихотворениями автора сборника. Так, в цикле «Amor! Amara Sacrum» вслед за переводом «О, зеркало, – холодная вода...» было помещено стихотворение «Зеркало» («Я – глаз, лишенный век. Я брошено на землю, Чтоб этот мир дробить и отражать...»).

очень большой высоты, одна за другой, медленно осыпаясь, и я принимаю их всем прошлым, что живет во мне. Мертвенное и легкое их ниспадение не тяжелит отшедшими порывами жизни. Гордость осыпается, лепестки славы облетают».⁹ (Manuscrit trouve dans une armoire) [Рукопись, найденная в шкафу].

Все юношеские поэмы Ренье отличаются этой вечерней меланхолией усталой и безнадёжной.

Нет у меня ничего,
Кроме трех золотых листьев и посоха
Из ясеня,
Да немного земли на подошвах ног,
Да немного вечера в моих волосах,
Да бликов моря в зрачках...
Потому что я долго шел по дорогам
Лесным и прибрежным,
И срезал ветвь ясеня,
И у спящей осени взял мимоходом
Три золотых листа...
Прими их. Они желты и нежны
И пронизаны
Алыми жилками.
В них запах славы и смерти.
Они трепетали под темным ветром судьбы.
Подержи их немного в своих нежных руках:
Они так легки, и помяни
Того, кто постучался в твою дверь вечером,
Того, кто сидел молча,
Того, кто уходя унес
Свой черный посох
И оставил тебе эти золотые листья
Цвета смерти и солнца...
Разожми руку, прикрой за собою дверь,
И пусть ветер подхватит их
И унесет...¹⁰

Все проходит, и в пожелтевших уборах пышной осени поэт чует «запах Славы и Смерти». И ту, которую он любит, он может попросить только о том, чтобы она подержала в руках «три золотых листа цвета Смерти и Солнца» и отпустила их по воле ветра.

Эта грусть характерна для юношеской поэзии Анри де Ренье. В эти годы он видел грустную девушку в барке, на темной реке, в вечерних сумерках. Он ее звал призывным и сладким именем Эвридики. Какие-то древние печали жили в глубине ее снов. Она сидела в лодке и плакала. А напротив сидел павлин, своим ослепительным хвостом наполняя всю

⁹ «Я смотрел, как в воду бассейна – лепестки славы облетают». Сокращенный перевод: Regnier H. de. La canne de jaspé. 5e ed. Paris, 1908, p. 247–248; ср.: Ренье А. де. Собр. соч.: В 17-ти т. Л., 1925, т. 1, с. 240–242.

¹⁰ Нет у меня ничего – и унесет... – Третья оделетта из цикла «Корзинка часов» («La corbeille des heures») в сборнике «Игры поселян и богов» (см.: Regnier H. de. Les jeux rustics et divins. Paris, 1908, p. 219–220). М. И. Цветаева писала Волошину 7 января 1911 г.: «Какая бесконечная прелесть в словах: „Помяни того, кто, уходя, унес свой черный посох и оставил тебе эти золотистые листья“. Разве не вся мудрость в этом: уносить черное и оставлять золотое? Я очень благодарна Вам за эти стихи» (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977, с. 161).

ладью. Незапамятная грусть темнила ее глаза, и она говорила голосом древним и истинным, голосом столь тихим, точно он доносился с другого берега реки, с другого берега Судьбы.

«Это я однажды вечером на берегу реки моими чистыми и благоговейными руками подняла голову убитого Орфея, и много дней я несла ее, пока усталость не остановила меня.

На опушке тихой рощи, где белые павлины бродили в тени деревьев, я села и заснула, сквозь сон чувствуя с болью и с радостью бремя священной головы, которая покоилась на моих коленях.

Но, проснувшись, я увидела горестную голову, которая глядела на меня красными и пустыми глазницами. Жестокие птицы, которые выклевали ему глаза, склоняли вокруг меня свои гибкие шеи и гладили перья своими окровавленными клювами.

Я поднялась в ужасе от кошунства; от моего движения голова покатила между испуганных и молчащих павлинов, и они распускали свои хвосты, которые, о чудо! не были белыми, но с тех пор и навсегда носили на себе, подобно обличающим драгоценным камням, образ тех священных очей, чей смертный сон кошунственно осквернили они».¹¹

И осенние листья, по которым поэт следит падение времени, и те три листа, в которых сохранился запах Славы и Смерти, и эта девушка с головой Орфея – все это строгие символы одной и той же усталой тоски, которую можно назвать дожизненной, – это тоска предстоящих воплощений.

Линия развития таланта Анри де Ренье отличается правильностью, чистотой и прекрасной четкостью. Когда расходится белый предрассветный сумрак, наступает ясное и чуткое утро. Вот стихотворение, которым Ренье открывает свою книгу «*Les medailles d'argile*» [Глиняные медали], отмечающую первую степень его художественной зрелости:

Снилось мне, что боги говорили со мною:
Один, украшенный водорослями и струящейся влагой,
Другой с тяжелыми гроздьями и колосьями пшеницы,
Другой крылатый,
Недоступный и прекрасный
В своей наготе,
И другой с закрытым лицом,
И еще другой,
Который с песней срывает омег
И анютины глазки
И свой золотой тирс оплетает
Двумя змеями,
И еще другие...
Я сказал тогда: вот флейты и корзины – Вкусите от моих плодов;
Слушайте пенье пчел
И смиренный шорох
Ивовых прутьев и тростников.
И я сказал еще:
Прислушайся,
Прислушайся,
Есть кто-то, кто говорит устами эхо,
Кто один стоит среди мировой жизни,
Кто держит двойной лук и двойной факел,

¹¹ «Это я однажды вечером со кошунственно осквернили они». – Конец рассказа «Рукопись, найденная в шкафу» (см.: Regnier H. de. *La canne de jaspe*. 5e ed., p. 254–255; ср.: Ренье А. де. Собр. соч.: В 17-ти т., т. 1, с. 246–247).

Тот, кто божественно есть
Мы сами...
Лик невидимый! Я чеканил тебя в медалях
Из серебра нежного, как бледные зори,
Из золота знойного, как солнце,
Из меди суровой, как ночь;
Из всех металлов,
Которые звенят ясно, как радость,
Которые звучат глухо, как слава,
Как любовь, как смерть;
Но самые лучшие – я сделал из глины
Сухой и хрупкой...
С улыбкой вы будете считать их
Одну за другой,
И скажете: они искусно сделаны;
И с улыбкой пройдете мимо.
Значит, никто из нас не видел,
Что мои руки трепетали от нежности,
Что весь великий сон земли
Жил во мне, чтобы ожить в них?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.